

Научная статья
УДК 343.1

ПРОЦЕДУРНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Таршева Мира Николаевна

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

mirra_2023@internet.ru

Аннотация. На основе проведённого анализа автор статьи приходит к выводу о том, что говорить о реализации примирительных процедур (или примирительной процедуры) в отечественном уголовном процессе можно с большой долей условности ввиду того, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не регламентирует порядок действий участников уголовно-процессуальных отношений по достижению примирения сторон. Предлагается авторская модель примирительного уголовно-процессуального механизма (примирительной процедуры).

Ключевые слова: примирение сторон в уголовном судопроизводстве, нереабилитирующие основания прекращения уголовного преследования, компромисс в уголовном процессе, уголовно-процессуальный механизм примирения.

Для цитирования: Таршева М. Н. Процедурный механизм примирения сторон в досудебном производстве: состояние и перспективы развития // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 334–339.

THE PROCEDURAL MECHANISM OF RECONCILIATION OF THE PARTIES IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS: STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Mira N. Tarsheva

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

mirra_2023@internet.ru

Annotation. Based on the analysis, the author of the article comes to the conclusion that it is possible to talk about the implementation of conciliation procedures (or conciliation procedures) in the domestic criminal process with a high degree of conditionality due to the fact that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not regulate the procedure for the actions of participants in criminal procedural relations to achieve reconciliation. parties. The author's model of a conciliatory criminal procedure mechanism (conciliation procedure) is proposed.

Keywords: reconciliation of the parties in criminal proceedings; non-rehabilitating grounds for termination of criminal prosecution; compromise in criminal proceedings; criminal procedural mechanism of reconciliation.

For citation: Tarsheva M. N. The procedural mechanism of reconciliation of the parties in pre-trial proceedings: state and prospects of development // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 334–339.

Общеизвестно, что примирительные обряды и традиции урегулирования конфликтов, в том числе криминального характера, существовали на протяжении всей истории человечества начиная с самых давних времён [1, с. 121]. В архаических обществах такие практики, как кровная месть, денежные выплаты или ритуалы примирения, выполняли функцию альтернативы формальному правосудию, которое в его современном понимании отсутствовало. Например, в Древней Руси с усложнением социальных отношений обычай кровной мести постепенно вытеснялся системой имущественных компенсаций, таких как вира (штраф за убийство) и продажа (штраф за иные преступления), выплачиваемых либо потерпевшему, либо общине [2, с. 7]. Эти механизмы не только регулировали межличностные конфликты, но и способствовали восстановлению нарушенного баланса внутри общины, что подчёркивает их социально-интегративную функцию.

В более поздние эпохи (с развитием государственности) многие из этих практик были инкорпорированы в официальные правовые системы, однако их глубинная антропологическая основа осталась неизменной.

Современные восстановительные технологии, такие как медиация или *restorative justice*, во многом воспроизводят логику архаических обрядов, акцентируя внимание не на наказании, а на восстановлении социальных связей. Это свидетельствует о том, что примирительные практики остаются универсальным ответом на вызовы межличностных и межгрупповых конфликтов, адаптируясь к изменяющимся культурным и правовым реалиям. Неслучайно примирительные процедуры находят своё закрепление в современном отечественном процессуальном законодательстве. В данном случае речь идёт о Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (глава 14.1 ГПК РФ)¹, Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (ст. 137–137.7)².

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет основание прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ)³, однако не регламентирует действия участников уголовно-правового конфликта (потерпевшего, подозреваемого) по его достижению.

Большое количество написанных учёными-юристами трудов позволило исследовать примирение сторон уголовно-правового конфликта с различных сторон: теоретической [3], криминологической [4], уголовно-правовой [5; 6], уголовно-процессуальной [7], [8], [9] и т. д. В своих выводах авторы сходятся в одном – норма процессуального закона, закрепляющая право суда, следователя или дознавателя прекратить уголовное дело на основании примирения сторон (ст. 25 УПК РФ), обладает очевидным правозащитным и воспитательным потенциалом.

Несмотря на ценность уголовно-процессуального примирения, подавляющее большинство правоведов отмечает, что потенциал рассматриваемой нормы не реализуется в полной мере. Такой вывод можно сделать на основании анализа уголовных дел и статистики решений, принимаемых в порядке ст. 25 УПК РФ в досудебном производстве, и судом; решений в порядке рассматриваемой статьи в судебном порядке принимается в разы больше [9, с. 3]. Представляется, что имеет место недостаточность процессуального ресурса, обусловленная отсутствием законодательной регламентации примирительной процедуры.

Фактически процесс примирения в уголовном процессе «пущен на самотёк»; до сведения участников уголовно-процессуальных отношений не доводится даже сама

¹ Гражданский процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кодекс административного судопроизводства Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

возможность разрешения конфликта тем или иным способом (посредством примирения, возмещения преступного вреда при назначении судебного штрафа и т. д.); сущность и содержание норм материального и процессуального права. Это приводит к тому, что стороны лишены возможности выбора для себя наиболее приемлемого способа разрешения уголовно-правового конфликта (посредством примирения сторон, через возмещение ущерба или иным образом заглаживания вреда при назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и т. п.).

Для повышения эффективности примирения в уголовном процессе России считаем необходимым закрепление права потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого на примирение в порядке, установленном ст. 25 УПК РФ (которое, по нашему мнению, вытекает из положений ст. 25, 268 УПК РФ), а также процедурного механизма реализации соответствующего права. Не было бы лишним придать ст. 25 УПК РФ императивный характер, чтобы избежать тех случаев, когда при фактически достигнутом примирении сторон, наличии ходатайств потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого) на прекращение уголовного дела соответствующего решения со стороны правоприменителя не следует; объясняя мотивы принятия такого решения, суд, следователь или дознаватель указывают на то, что это их «право, а не обязанность». Предложение о придании норме императивного характера, конечно, уже высказывалось не единожды. Но отстаивание необходимости формального закрепления процедурного механизма без исключения дискреционного характера нормы бессмысленно. Полагаем, что в данном случае усмотрение правоприменителя является лишним. Законодатель закрепил все условия, от выполнения которых зависит конкретный исход дела. Если их недостаточно, то нормы следует скорректировать либо выработать конкретные критерии, которыми мог бы руководствоваться правоприменитель при принятии соответствующего решения.

Следует признать, что в настоящее время примирение сторон в уголовном процессе можно считать примирительной процедурой с большой долей условности, так как отсутствует формализованность и регламентированность действий участников по достижению примирения сторон.

Учёные, занимавшиеся исследованием этой проблемы, предлагают решить её посредством внедрения и нормативного закрепления (А. А. Арутюнян, например, в рамках УПК РФ [10, с. 15-16]; Л. А. Воскобитова – соответствующего ФЗ [8, с. 72]) посреднической процедуры примирения – медиации. Такая практика находит своё отражение в зарубежном опыте. Поэтому можно считать, что примирительные процедуры в уголовном процессе могут осуществляться в двух формах: «самостоятельное примирение сторон», «примирение сторон с участием посредника».

Безусловно, медиация является примирительной процедурой и посреднические примирительные правовые традиции известны истории нашего государства, однако имплементация или же разработка такой процедуры применительно к отечественному уголовному процессу является более сложной задачей (в ранее проводимом диссертационном исследовании нами была предложена авторская модель и посреднической примирительной процедуры), нежели проработка процедурного аспекта примирения, осуществляемого сторонами самостоятельно, в нормах УПК РФ.

Предлагается авторская модель примирительной процедуры. Она включает в себя три этапа: подготовительный, основной (консенсусный), заключительный.

Подготовительный этап заключается в разъяснении следователем до начала первого допроса сторонам уголовно-правового конфликта (потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому) допустимых оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, в частности ст. 25 УПК РФ, условий их наступления, а также юридических последствий.

Очевидно, что такие разъяснения могут быть доведены до сведения потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого) в случае законодательного закрепления этой обязан-

ности, например в ст. 28.3 УПК РФ. Таким образом, следователя (дознателя) следует признать участником процедуры на подготовительном этапе; непосредственного участия в переговорах на основном этапе процедуры он не принимает.

На основном этапе процедуры непосредственные участники уголовно-правового конфликта (потерпевший и подозреваемый или обвиняемый) осуществляют переговоры для того, чтобы обсудить условия предполагаемого примирения сторон. Потерпевший озвучивает желаемый размер, способ и форму заглаживания вреда, достаточную для прощения подозреваемого (обвиняемого); получает извинения, ответы на интересующие вопросы и т. д.

На этом же этапе подозреваемый (обвиняемый) осуществляет действия по заглаживанию вреда, по завершении которых следует составить соглашение о примирении и заглаживании вреда (соглашение о примирении сторон).

Надо понимать, что на основном этапе переговоры между участниками примирительной процедуры могут завершаться заключением и промежуточного (предварительного) соглашения (как в устной, так и письменной форме) о сроках, размерах, форме и порядке возмещения преступного вреда. Такое соглашение не должно являться основанием для принятия решения в порядке ст. 25 УПК РФ, оно даёт подозреваемому (обвиняемому) конкретику в понимании того, какие позитивные постпреступные действия ему необходимо совершить. После выполнения договорённостей, стороны заключают соглашение о примирении и заглаживании вреда. Это позволит упорядочить действия участников уголовно-правового конфликта, зафиксировать результаты примирения и возмещения вреда, а также минимизировать ошибки в правоприменительной практике. Соглашение должно быть оформлено в письменной форме и подписано потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым).

Действующее процессуальное законодательство не закрепляет положений, обязывающих стороны удостоверить факт достигнутого примирения сторон составлением соглашения. Это приводит к тому, что последствий в виде прекращения уголовного дела в порядке ст. 25 УПК РФ не наступает. К такому выводу приходят учёные по результатам изучения материалов уголовных дел [9, с. 96–98]. Например, достаточно распространённой можно считать ситуацию, когда при фактически достигнутом примирении сторон от участников криминального конфликта поступают письменные заявления с ходатайствами о прекращении уголовных дел в порядке ст. 25.1 УПК РФ. В судебном заседании, как правило, этот факт выявляется, и материалы уголовного дела снова направляются в орган предварительного расследования.

На заключительном этапе процедуры любой из её участников может подать ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела соглашения о примирении сторон и принятии соответствующего решения (в порядке ст. 25 УПК РФ). В текущей редакции норма предусматривает прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон исключительно на основании заявления потерпевшего или его законного представителя. Однако видится необходимым внести изменения в статью, предусмотрев возможность прекращения дела на основании соглашения, подписанного примирившимися сторонами.

Представляется, что ст. 25 УПК РФ должна быть дополнена положениями, закрепляющими обязательность составления соглашения о примирении и возмещении вреда в случае достижения сторонами примирения, а также определяющими его форму и содержание. При разработке процессуального механизма также важно уточнить круг участников процедуры. Основными участниками, безусловно, должны выступать потерпевший и подозреваемый (обвиняемый), а в отдельных случаях – их законные представители или представитель.

Для принятия решения в порядке ст. 25 УПК РФ следователь (дознатель) обязан удостовериться в достоверности данных, указанных в соглашении, а также в том, что заключение соглашения не является результатом давления, угроз или иных незаконных действий со стороны подозреваемого (обвиняемого) или третьих лиц. После этого выносится соответствующее постановление. При этом решение о прекращении дела может быть принято только после установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ. Таким образом, предлагается формализация уголовно-процессуальной примирительной процедуры. При её теоретической разработке мы опирались на положения действующего процессуального законодательства, допускающего примирение сторон в порядке, предусмотренном ст. 25 УПК РФ.

1. Кури Х., Ильченко О. Ю. Медиация и восстановительное правосудие как современные тенденции уголовного процесса: Российский и зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2015. № 1. С. 120–129.
2. Чельцов-Бebutov М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957. 841 с.
3. Мачучина О. А. Институт примирения: теоретико-правовые основы: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. 232 с.
4. Квашис В. Е. Примирение в праве: компромисс или уступка? // Вестник КРУ МВД России. 2020. №1 (47). С. 7–11.
5. Аликперов Х. Д., Зейналов М. А. Компромисс в борьбе с преступностью. М., 1999. 90 с.
6. Ендольцева А. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (некоторые аспекты применения соответствующих норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства) // Российский следователь. 2001. № 9. С. 29–31.
7. Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. 284 с.
8. Воскобитова Л. А. Модельный закон субъекта РФ «О службе примирения» // Вестник восстановительного правосудия. Вып. 6. 2006. С. 65–73.
9. Таршева М. Н. Примирительные и восстановительные процедуры в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2022. 214 с.
10. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 33 с.

1. Kuri X., Il'chenko O. Yu. Mediatsiya i vosstanovitel'noe pravosudie kak sovremennye tendentsii ugolovnogo processa: Rossijskij i zarubezhny`j opyt // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2015. № 1. S. 120–129.
2. Chel'czov-Bebutov M. A. Kurs sovetskogo ugolovno-processual'nogo prava. Oчерki po istorii suda i ugolovnogo processa v rabovladel'cheskix, feodal'ny`x i burzhuzny`x gosudarstvax. M., 1957. 841 s.
3. Machuchina O. A. Institut primireniya: teoretiko-pravovy`e osnovy`: dis. ... kand. yurid. nauk. Kaliningrad, 2018. 232 s.
4. Kvashis V. E. Primirenie v prave: kompromiss ili ustupka? // Vestnik KRU MVD Rossii. 2020. №1 (47). S. 7–11.
5. Alikperov X. D., Zejnalov M. A. Kompromiss v bor`be s prestupnost`yu. M., 1999. 90 s.
6. Endol`ceva A. V. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti v svyazi s primireniem s poterpevshim (nekotory`e aspekty` primeneniya sootvetstvuyushhix norm ugolovnogo i ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva) // Rossijskij sledovatel`. 2001. № 9. S. 29–31.

7. Kuvaldina Yu. V. Predposy`lki i perspektivy` razvitiya kompromissny`x sposobov razresheniya ugovno-pravovy`x konfliktov v Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk. Samara, 2011. 284 s.
8. Voskobitova L. A. Model`ny`j zakon sub``ekta RF «O sluzhbe primireniya» // Vestnik vosstanovitel`nogo pravosudiya. Vy`p. 6. 2006. S. 65–73.
9. Tarsheva M. N. Primiritel`ny`e i vosstanovitel`ny`e procedury` v dosudebном proizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk. Orel, 2022. 214 s.
10. Arutyunyan A. A. Mediatsiya v ugovnom processe: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2012. 33 s.

Информация об авторе

Мира Николаевна Таршева. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Mira N. Tarsheva. Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 16.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.